

Какие могут быть половинки у космоса? Бескрайнего, бесконечного космоса. Верхняя и нижняя? Левая и правая?

Не совсем так. Авторы этого сборника попробовали посмотреть на космос с двух сторон – изнутри и снаружи – и получили, разумеется, совершенно разные картинки.

ISBN 978-5-605340-10-7

9 785903 560107

ПОЛОВИНКИ КОСМОСА

Научная фантастика

ПОЛОВИНКИ
КОСМОСА

Половинки космоса

Сборник фантастических рассказов

Предисловие (от редактора и составителя)	3
Свой космос	5
Бабушка Мороз. И. Наумов	7
Служба точного времени. Б. Богданов	40
Цивилизация некоторых. А. де Клемешье	48
Полет Муравья. Т. Кигим	71
Темные стороны Луны. Т. Алиев	82
Лучшая работа на Земле – работа на Марсе! А. Сальников	109
Колбаса. А. Смольская	132
Сто одно. И. Наумов	159
Розовый туман. М. Ера	170
Чужой космос	187
Запердолить джи. С. Тулина	189
Чужое Вождение. Т. Кигим	210
Piratas Vulgaris. В. Венгловский	222
Мотылек. А. Толкачев	240
Тени прошлого. В. Марышев	253
Слепой и его фишка. С. Тулина	262
Космос кончился. С. Соловьева	273
Космос над нами. В. Венгловский	286
Подарок. В. Соколенко	303
Юбилей. К. Пимешков	312
Ловим поэтов. Е. Лобачев	323
Первая. А. Силенгинский	343

Предисловие

От редактора и составителя

Поднимите взгляд к небу. Конечно, лучше всего это сделать в ясную ночь, но даже если вы читаете эти строки днем или небо затянуто тучами – все равно. Ведь есть же у вас воображение, иначе что делает в ваших руках сборник фантастических рассказов? Всмотритесь в эту черную бездонную глубину, в эту великую бесконечность, называемую космосом. Задайте себе вопрос: «А что там?»

Вы ведь наверняка уже хоть раз задавались этим вопросом. И пытались придумать для себя ответы. Именно придумать, так как тех ответов, которые уже сейчас может дать наука, – хотя и от них порой захватывает дух – вам не хватало. Как и мне, признаюсь.

Что там? Неужели только холодная безжизненная пустота, озаряемая светом редких звезд? Неужели в таком бескрайнем космосе не найдется места для добрых и мудрых братьев по разуму, о которых уже не первый век пишут писатели-фантасты?

Хотя... Пишут и о других. Не таких добрых или не таких мудрых. Иногда даже о таких, которых братьями-то называть не хочется. И относительно разума стоит еще подумать.

Возможно, правы те, кто считает Вселенную достаточно великой, чтобы вместить в себя всех вышеописанных персонажей. Да вдобавок еще других, которых вообще ни один фантаст придумать не сумеет.

Наступит ли когда-нибудь время, когда человек ступит на поверхность чужого – по-настоящему чужого – мира? Что его ждет там? Воплотятся ли в жизнь наши самые смелые мечты или станут явью самые мрачные предсказания? Пока нам остается только придумывать ответы...

Посмотрите наверх и представьте, что вы встретились взглядом через десятки или тысячи парсеков с кем-то точно так же смотря-

щим в свое небо. Вот про эти два взгляда книга, которую вы сейчас читаете.

Первый раздел – взгляд «отсюда». Не просто глазами землянина, а глазами человека, сидевшего когда-то с вами за одной партией или живущего в соседнем дворе. С героями рассказов этого раздела у нас одна история, культура, среда обитания. То есть достаточно много общего, чтобы его ответ на вопрос «зачем нам космос?» был небезынтересен каждому из нас.

Но небезынтересен – не значит беспорен! Спорят – невольно – даже сами авторы друг с другом. Каждый из них рисует свою картину наших взаимоотношений с космосом в совсем недалеком будущем. Одни в ярких и праздничных тонах, другие мягкой и спокойной пастелью, трети не жалеют черной краски...

У героев рассказов второго раздела не только мало общего с нами, у них друг с другом-то всего две общие черты. Во-первых, все они космонавты. Во-вторых, каждый из них – не человек. Или по крайней мере не вполне человек в обычном понимании этого слова. Впрочем, не буду раскрывать чужих секретов, это было бы нечестно по отношению к авторам.

Вот так мы и постарались в этой книге разделить космос на две половинки. Условно, конечно, это просто ракурса, два угла зрения, две точки отсчета. Наша и не наша, своя и чужая... А к небу все-таки поднимайте взгляд почаще. Дело не только в том, что тогда рано или поздно космос непременно станет немного понятнее, а звезды – чуточку ближе. Просто перед обитателями других планет неудобно. Они в свое небо смотрят, а мы?

Андрей Силенгинский

Иван Наумов

Бабушка Мороз

Ноябрь, тридцатое

«Странные они, эти марсиане, – думал Боба. – Совсем на нас не похожи. Взять хотя бы верзилу Стейтона – больше на каторжника смахивает, чем на дипломата. Нос набок, взгляд цепкий, ему бы еще повязку на один глаз! Угрожающе, словно надсмотрщик, расхаживает за спиной у своих трусливых сотрудников московского и подмосковного происхождения. Так ведет себя овчарка, присматривающая за стадом».

Пока родители суетливо перекаладывали бумажки перед лысоватым круглолицым служащим, Боба, скучая, глазел по сторонам. И пришел к выводу, что марсиане – это как раньше американцы и австралийцы – непонятно кто. Те тоже когда-то нацепили джинсы, клетчатые рубахи и широкополые шляпы и удивляли англичан да голландцев отсутствием манер. Эти такие же.

Весь последний год, когда стало ясно, что придется лететь, Боба смотрел и читал только вестерны, предвкушая приключения в недружелюбном новом мире. И пусть папа рассказывает кому другому про социальную политику и комфортные условия – ему даже мама не очень-то верит. Стены Бобиной спальни давно исчезли под голограммами прерий, диких быков, скачущих индейцев. Большую часть коллекции он нарисовал и оцифровал сам.

В помещении консульского отдела было душно и нервозно. До отлета «Фридома» оставалось меньше двух суток. Те, по чьим запросам еще не вышла виза, маялись в тесном зальчике ожидания, беспрестанно вскидываясь на звонок, приглашающий к

окошку получения документов, хотя у каждого был на руках порядковый номер в очереди.

Бабушка замерла в неудобном казенном кресле, опираясь на трость, – слово «клюка» ей категорически не нравилось, – и Боба развлекался тем, что мысленно вплетал ей в волосы красивые орлиные перья, украшал щеки боевым узором, и постепенно бабушка превращалась в Сидящего Быка со старинной литографии.

Неожиданно отец начал спорить с человеком в окошке. Что-то неразборчиво объяснял, горбился, стараясь говорить прямо в узкую щель для документов, а мама только безуспешно дергала его за рукав. Несколько арабов, кучкой сбившиеся в дальнем углу, взирали на эту картину с суеверным ужасом.

«Почему они не хотят нас пускать на Марс? – удивлялся Боба. – Если на рекрутских плакатах пишут, что «Рай – не на Земле», это еще ничего не значит. Что можно выяснять про нашу семью целых два месяца?»

Наконец отец добился какого-то компромисса – сразу выпрямил плечи, поправил волосы и быстро ушел вместе с мамой в боковую дверь, куда им указал круглолицый.

– Ба, хочешь водички?

Ольга Сергеевна усмехнулась:

– Предпочла бы вина, но твой папа перед полетом не разрешает.

– Так еще же два дня, – возразил Боба. Мальчик входил в возраст, когда жизненно необходимо противопоставить свое мнение опыту взрослых.

Бабушка ушла от дискуссии, снова замерев, как идол с острова Пасхи. Боба искоса разглядывал ее мутные и ясные одновременно глаза, пытаясь без замера подобрать подходящую палитру.

Вернулись отец и мама. Снова подошли к окну, отец опять согнулся – на этот раз, чтобы поставить еще несколько подписей. А потом, обернувшись, победно вскинул руку с увесистой стопкой разноформатных документов и четырьмя паспортами.

Борис Богданов

Служба

Точного времени

Шесть часов до столкновения.

Четыре часа до окончания плановой эвакуации.

Удивительные метаморфозы происходят со временем, когда стоишь в очереди. Чаще всего оно тянется, как резиновое, стекает каплей густого меда по стеклянной стенке, и только регулярная смена цифр на большом электронном табло доказывает его ход. А в конце дня недоумеваешь, куда же подевались часы, проведенные в огромном помещении аэропорта, а ныне эвакуационного пункта, заполненном шарканьем тысяч ног и тихим шепотком соседей. Ушли, растворились в ожидании – и вот уже пора укладываться спать здесь же, на ленте транспортера, обняв взвешенный и промаркированный груз. Пройдут считанные минуты, раздастся негромкий звонок, и лента дернется и проедет несколько метров, приближая ожидающих к пандусу. Значит, для передних уже началась посадка, значит, в противоположном конце зала места на транспортере заняты новой порцией невольных пассажиров, еще оживленных, обсуждающих процедуры идентификации, оформления, переодевания в полетные комбинезоны, проверки и упаковки багажа. Сколько маленьких трагедий переживает сейчас там! Список разрешенных вещей утвержден раз и навсегда, и нет из него исключений. Никаких альбомов со старыми фотографиями, никаких сувениров из прошлой, счастливой жизни. Все лишнее, составляющее смысл обыденности, остается в зоне фильтрации. Документы, пара цифровых кристаллов с любимыми книгами и фильмами, запасной комбинезон и, самое главное, билет. Он же памятка по эвакуации. Люди возятся, устраиваясь.

Алекс де Клемешье

Цивилизация некоторых

Папин полотер сломался окончательно и бесповоротно. Сережке было до слез жаль механическую каракатицу – почему-то именно ее он любил больше других вещей, придуманных папой. Каждое Сережкино утро начиналось с появления в комнате полотера... Вернее, сперва в комнату заглядывала няня Нина, говорила «Подъем!» или «Пора вставать, соня!», а потом запускала машинку. Полотер деловито пробегался по медовому паркету, осматривался, перебирая суставчатыми лапками, помигивая желтыми огоньками и попискивая, а потом так яростно принимался за работу, будто от скорости и тщательности уборки зависела чья-то жизнь. А сонный Сережа, подпихнув плечом уголок подушки под щеку, нежась под теплым одеялом, прищуренным глазом подглядывал за его передвижениями. Фронт работ механизма был разбит на секторы: справившись с площадкой от угла до подоконника, он вспыхивал зелеными лампочками и перебирался в сектор, занимаемый письменным столом. Ловко лавируя между ножками стола и плотно придвинутого стула, он удовлетворенно урчал, поглощая невидимые пылинки и натирая паркет до маслянистого лоска. Следующий квадрат, следующий – ближе и ближе к Сережкиной кровати, и по мере приближения в Сережкином животе становилось все щекотнее, ведь тапочки неизменно ставили каракатицу в тупик. Если положение всех прочих вещей в комнате, введенное в память полотера при рождении, оставалось неизменным, то тапочки были звеном непостоянным – они могли оказаться левее или правее места, зафиксированного накануне, они могли стоять вместе или порознь. Наткнувшись на них, умная машинка озадаченно замирала, пятилась в нерешительности, объезжала находку по кругу, словно приносиваясь, робко

трогала лапкой-манипулятором. Тапочки были слишком малы, чтобы отнести их к предметам мебелировки, и слишком велики, чтобы принять их за мусор: полотер не мог самостоятельно справиться ни с чем, что было крупнее фантика. Обиженно гудя, полотер катился в следующий сектор, иногда неожиданно возвращаясь к тапочкам снова, а иногда просто раз за разом притормаживая по пути. «Отглядывается!» – радовался Сережка, и в этот момент щекотка в животе достигала такой силы, что терпеть ее не было никакой возможности, и мальчишка, беззвучно хохоча, выскакивал из постели, подбегал к каракатице, гладил ее по теплому боку и, сжалившись, уносился из комнаты вместе с тапочками, освобождая прикроватный простор для маленького трудяги.

Полотер ломался и раньше, но тогда был жив отец: мурлыча что-то себе под нос, он разбирал механизм, находил причину поломки, менял детальку, зачищал контакт или подкручивал винтик. Сережка так хорошо помнил все последовательности действий для каждого случая, что мог запросто починить каракатицу и сам, но на сей раз дело было не в оплавившейся изоляции, не в окислившейся клемме и не в сгоревшей лампе – «умер» от старости блок, который папа называл «мозгом» полотера. Все утро Сережка ходил за няней Ниной, демонстрируя ей этот блок, и так вынудил ее позвонить дяде Вите, который, приехав, только пожал плечами:

– В этом мире, дружок, – грустно сказал дядя Витя, – есть вещи, суть которых понимал только твой отец. Кибернетика сейчас активно развивается и в Америке, и в Японии, да и в нашей стране есть определенные успехи. Но то, чем занимался твой папа, основано на других принципах. «Мозги», созданные американцами или японцами, не оживят твою машинку, а починить ее родной блок... Даже если я передам его на изучение в наш институт, пройдет, может быть, целый год, прежде чем наши ученые разберутся в его устройстве. Да и зачем? Нынешние технологии проще и доступнее, так что имеет смысл купить новый полотер, а не возиться со старым. Ты меня понимаешь?

Сережка сердито сопел в ответ, глядя в угол гостиной. Нос раздражающе выдувал пузыри.

Татьяна Кигим

Полет Муравья

Степан Муравей любовался звездами. Грузовик застыл над поверхностью на антиграве, Степан проверил скафандр, вылез на крышу и попытался написать стихи. Красота звезд всегда подвигала его на стихотворные подвиги, такие же неуклюжие, как и он сам, а голубая Земля служила музой.

Продолжалась идиллия, правда, недолго, потому что больше трех минут сержант Муравей украсть у службы не посмел. Он вернулся в пилотный отсек, сделал круг над катером и помчался на базу, где его поджидал майор Чепурько. Майору уже доложили, что бестолочь Муравей опять жег топливо, паразит.

– А-а, самовольщик! – говорил в таких случаях майор Чепурько, начальник базы снабжения четырнадцать дробь семнадцать. – Опять, подлец, Устав нарушил?

– Я больше не буду, я всего ничего, – оправдывался Муравей, задержавшийся над кратером Платона или Риччолли, и тупил взор. Применительно к Муравью выражение носило двоякий характер: то есть, с одной стороны, он буравил пол виноватым взглядом, а с другой – выглядел еще глупей и неуклюжей, чем был на самом деле. – Я две минуты смотрел.

– Три, – вздыхал Чепурько, и показательно хмурил брови. Майор был добродушным человеком, что называется – «отец солдатам», а уж на Муравья вообще обижаться грех. Что взять с такого! – Иди уже, поэт-романтик, и еще раз! еще хоть раз!

В армию неуклюжего Муравья побудила вступить реклама социального призыва, агитирующая молодежь вставать в стройные ряды защитников порядка от всякого экстремизма. Ему казалось, что он станет немножко представительней, как те красавицы-военные, что шлют своим девушкам портреты в ра-

мочках и получают в обмен заслуженное восхищение, а порой поцелуи и прочее. Но в отряды общественной безопасности Муравья не взяли, а отправили водить грузовики.

Мать говорила, что армия Степана сильно изменила, но он что-то слабо в это верил. И уж тем более рассосалась надежда на то, что через пятнадцать лет контракта он вернется на гражданку героем и ветераном. Кто-то получал ордена и медали, упорядочивая мир и разгоняя сходки и демонстрации экстремистов, а Муравей в подавлении беспорядков не участвовал и методично перевозил грузы из пункта А в пункт Б. Ну а по дороге задерживался поглядеть на звезды. Почему-то с высоты нескольких километров глядеть на звезды было интересней, чем с поверхности или смотровой вышки. Высота приближала к космосу.

– Сколько пожег топлива! – сетовал Чепурько. – Вычту из довольствия. Муравей, хочешь, лети в увольнительную на Землю и кончай мне тут со своей романтикой.

На Землю Муравей не хотел, на Земле он уже был. Там было неинтересно: те же витрины, те же рестораны, спортзалы и прочие признаки цивилизации. Только и всего, что можно гулять под открытым небом. Но с тех пор, как в скафандры была встроена экстренная система мгновенного анабиоза, под лунным небом гулять стало так же безопасно, как и под земным. Только целоваться было нельзя, но современные скафандры, за исключением традиционных круглых шлемов, были такие тонкие, что на них сверху надевали одежду, а комиссия общественной морали даже запретила носить скафандры, не прикрывая бедра. Так что, если не считать поцелуев, прогулка влюбленных на пыльных просторах выходила вполне полноценная и к тому же в некоторых романтических моментах безопасная. Правда, на Земле небо было голубое и, как писалось в туристических проспектах, «эксклюзивное», но вон на спутниках Сатурна и Юпитера виды еще удивительней. Короче, Муравья манила исключительно романтика звезд.

Вот только на звезды никто лететь не собирался. За пределы системы периодически отправляли автоматические боты, астрономы пачками открывали новые экзопланеты, разведка нашла

Тимур Алиев

Темные стороны Луны

– Лунатики, в шеренгу ста-а-ано-о-овись!

От зычного окрика лейтенанта зазвенело в голове. Еще бы, ведь орал он по внутренней связи, и звук шел прямо в динамики за ухом.

Десантники, за время полета привыкшие и к крутому нраву командира, и к непрерывному потоку оскорблений от него, не мешкая, попытались выровнять ряд. В тесном пространстве посадочного модуля построение удавалось как нельзя хуже. Даже узкоплечим селенитам. Как они ни бились, вместо прямой получился зигзаг. Однако лейтенанта такие мелочи не смущали.

– Бойцы! – снова привлек он внимание своего отряда. – Даю вводную!

Стоявший третьим Валька наострил уши. Наконец хоть какая-то информация! Всю долгую дорогу с Луны их мучили неизвестностью, отказываясь посвящать не только в план кампании, но даже в маршрут их рейда.

Все сорок бойцов специального диверсионного взвода Лунной группировки войск при Генштабе Вооруженных сил РФ могли только гадать – летят ли они в тыл американцам или станут плечом к плечу прямо на линии фронта. Конечно, по логике вещей, уроженцев Луны командование должно было использовать на спутниках планет. К этому их готовили всю жизнь. Но... «где логика, а где наш генерал?» – говорил в таких случаях одноклассник Марат.

– Президент и правительство поставили перед нами великую задачу...

Валька обреченно вздохнул. Спору нет, к поручениям правительства он относился со всей преданностью патриотической

души, но сейчас ему хотелось услышать от командира конкретные указания, а не стандартную политинформацию. Однако лейтенант Березуцкий считал иначе.

– Американские агрессоры не останавливаются ни перед чем. В своей экспансии далеких мирных планет... – знакомые строчки в устах командира звучали как пулеметные очереди.

Вчерашнему выпускнику Вальке вспомнился родной кадетский корпус в пригороде Лунограда – столице Лунной области. Каждый день тамошней жизни начинался с подобных речей. За пятнадцать лет слова менялись, хотя смысл их оставался прежним. Российская Федерация с трудом, но успешно противостояла коварной штатовской военщине на всей обжитой территории Солнечной системы – от Луны до Юпитера. А российский солдат всегда оказывался сильнее американского (несмотря на звериную сущность того)... В такие минуты перед глазами Вальки вставала картинка из учебника. Хищно оскалившийся монстр в сплошной броне из огромных клыков и когтей – вместо скафандра. Учителя объясняли: так оно и есть, все американцы поголовно мутанты...

Правда, вольнодумец Марат несколько раз по секрету сообщал Вальке, что американцы почти такие же люди, как и россияне, и что было время, когда Россия и США чуть ли не дружили, а потом случился дефицит ресурсов, и разразилась война – вначале на Северном полюсе Земли, а потом и в космосе. Ему об этом еще до поступления в кадеты якобы рассказывал отец, историк по профессии и революционер по складу характера. Валька иногда поддакивал, иногда жестко пресекал подобные разговоры. Поддакивал потому, что не хотел обижать фантазирующего друга, хотя какие у клона отец-мать? Каждый из них – генный слепок одного из героических предков и выращен на клонофабрике. Не зря же у любого клона, помимо фамилии, еще и номер имеется... А пресекал потому, что такие разговоры играют на руку американцам. Не исключено, они и информационный вирус запустили. Иначе откуда у Марата такие странные мысли? Про тот же дефицит ресурсов... Вон космос какой большой, хватит на всех. Вернее, хватило бы, будь американцы людьми, а не античеловечными мутантами... Это людей как раз не хватает, потому клонов и выращивают...

Александр Сальников

Лучшая работа на Земле – работа на Марсе!

Артем пересчитал наличку, по привычке перевел юани в рубли и прикинул – на угощение должно было хватить.

За окном в сыром, сальном и копотном воздухе вечеряющего Екатеринбурга медленно опускались белесые хлопья. Они кружились в диодном свете уличных фонарей первым снегопадом. Свет падал на них, отражался от симметрично застывшей воды, красил в ослепительно белое.

Девственная, пусть и обманчивая, белизна первого снега всякий раз уносила Артема куда-то в детство, к горкам, санкам и каникулам. Окунала в шемящее чувство утраченных возможностей, потерянных иллюзий. Во времена беззаботности и свободы, когда мороз горячит щеки, завязки ушанки стегают по шее, а сам ты несешься, задыхаясь от восторга, вниз, удивившись сквозь овчинные варежки за санные поручни. И уже тормозя, успокаиваешь колотящееся в ушах сердце и набираешь полную грудь звенящего от чистоты морозного воздуха. Артем перевел раздраженный взгляд на сломавшийся полгода назад кондиционер. Поморщился, отгоняя дурные мысли о неоплаченных счетах, натянул перчатку и надел очки визора.

Сквозь вспыхнувшую подсветку очков снежинки уже не смогли прикидываться белыми. Артем нахмурился и склонил голову. Луч минипроектора лизнул столешницу, выложил в сантиметре от нее иллюзорную кладку из терракотовых прямоугольников. Артем слегка дернул мизинцем. Впянные в латекс контактные дорожки среагировали мгновенно – на кирпичной стене рабочего стола взбухли кнопки набора номера. Набрав восемь цифр, Артем принялся ждать.

Егор, как водится, ответил не сразу.

– Привет, – хмурое, помятое лицо Егора скривилось в улыбке. Артем готов был биться об заклад: за серым пластиком очков в глазах Егора уже плескался нелегальный алкоголь. – Чего-то ты рано позвонил. Разбогател, что ли?

– Разбогатеешь тут, – пропустил издевку Артем. – Гостя жду дорогого.

– Насколько?

– Очень. Думаю, два. В юбках. Есть возможность?

– Тебе когда надо? – помешкал Егор.

Артем согнул безымянный палец и скосил глаза влево, на вспыхнувшие зеленым цифры:

– Часа через три.

Егор пожал плечами:

– Плюс двадцать за спешность. Буду подъезжать – наберу, – приятельски улыбнулся он и погас.

Артем снял очки и потер уголки глаз. Мелькнула малодушная мысль – а может, ну его, этот разговор? Может, плюнуть, смириться и как все: дальше, глубже погружаться во всеобщую истерию и сказки о новой эре, возвращении к корням, чистому топливу и чистому воздуху. Верить и ждать, что все это будет, причем еще на его, Артема, веку. А пока потерпеть, поднатужиться, затянуть пояса и сжать зубы. Может, просто посидим, поперебираем старые воспоминания, пообнимаемся и простимся снова лет на пять-десять, пока не появится еще один кусок времени, который не будет жаль скормить ностальгии стареющих однокашников.

У Артема не было друзей. Когда-то жизнь в стране свободного предпринимательства научила его быстро переводить их в разряд приятелей, а потом и деловых партнеров. Оставались только те, кого Артем знал до. До, как он его называл, времени потерянных иллюзий. Те, кто в силу жизненных обстоятельств, росли параллельно Артему, те кто, конечно же, изменился под их грузом, но о ком думать так не хотелось, а хотелось играть в давно негласно принятую игру – мы такие же, как и раньше, мы те же, что и до.

Одним из таких редких для Артема людей был Игорь Крупнов. Кровь с молоком и косая сажень в плечах, он вылетел с тре-

Анна Смольская

Колбаса

Василий, весело помахивая кожаным портфелем, шел по небольшому пыльному переулку. Осенний вечер приглушил краски, и листва, днем пестревшая всеми оттенками рыжего, почти слилась с блеклыми старыми пятиэтажками. Еще час-два, и останутся лишь бесформенные тени с яркими пятнами окон, да и этот свет будет разбит, размыт ветками. Березы, ясени, клены, заросли ирги и акации – здесь Васька с такими же пацанами когда-то прятался от родителей и девчонок. А потом, забыв про тех и про других, они обедались ягодами или делали свистульки – у кого громче да залиvistее.

Конечно, когда тебе почти тридцатник, все кажется совсем другим, но все же... Василий оглянулся и пнул кучу сухой листвы, заботливо собранную дворником. Эх, хорошо!

Час назад, ровно в 18.30, Василий Астафьев, менеджер сервисного центра, вышел из офиса и заглянул по пути в магазин «Орбита», где народу было неожиданно мало. Это лишь увеличило градус и без того хорошего настроения, и на радостях вместо привычных желудку полуфабрикатов-пятиминуток он решил побаловать себя свежей семужкой: пожарить на небольшом огне, полив лимонным соком, – ахм! Четверг – это маленькая пятница, самое время для маленьких удовольствий. А и ладно, что не конец недели, – завтра, поди-ка, Светка нарисует, перед телевизором спокойно уже не посидишь, а сегодня «Спартак» с «ЦСКА» играют, кстати! Это, конечно, не чемпионат мира, который мы благополучно слили, но все же.

Метра за три до своротка во двор Василия обогнала неприятная парочка – он аж вздрогнул. Два бугая в черных куртках из стеклоткани и темных же очках в пол-лица куда-то спешили,

ли, успевая при этом крутить бритыми головами по сторонам. Не славился их район криминальными разборками, откуда эти колоритные тилчики? На другом конце небольшого городка, за речкой, в новых кварталах – да, такие персонажи не редкость. Понаехало в последнее время народу, все вокруг космодрома вьются, словно медом намазано. Фирмочки, агентства, магазины возникали из ниоткуда и пропадали в никуда. Но старую часть города изменения практически не затронули, как жили, так и живут, разве что работа появилась – в фирмочках, агентствах, магазинах.

Василий и сам недавно пристроился в небольшой филиал столичной компании, который активно пытался влезть в космодромские заказы. Пока не столь успешно, но платили для их городка очень даже неплохо. Поэтому и свадьбу они со Светкой решили не откладывать – черт его знает, как завтра судьба хвостом вильнет, а пока хоть оттулять можно, не сильно напрягаться. Заявление уже подали – на октябрь. Еще бы тысяч двадцать успеть за этот месяц насобирать, и вообще отлично. Ну, хоть десяточку, хоть пятерочку – поскромнее все будет, но тоже ничего. Родители-то ничем помочь не могут, все самим приходится.

Ключи он начал доставать заранее – старая привычка, дабы не копать в портфеле у подъезда, где на лавочке обычно дежурили местные бабки – жутко говорливые, любопытные и приставучие. Сегодня их не было. Неужто новый сериал начали показывать? Или помер кто из них ненароком, а остальные в квартире устроились охать, ахать и шушукаться? Ну, нет и нет, и славно.

Странный булькающий кашель, идущий из кустов у подъезда, отвлек Василия от неспешных размышлений. Первым желанием было поскорее закрыть за собой дверь, но тут же стало стыдно – а вдруг кому-то плохо?

Но в зарослях оказалась вовсе не бабка. Мужик, судя по всему, невысокий и худощавый, стоял на коленях и держался обеими руками за толстую ветку. Похоже, только это не давало ему упасть. Некогда приличный спортивный костюм весь чем-то заляпан – в осенних сумерках невозможно понять, кровь это или грязь, но лицо разбито, факт. Уж не его ли искали те двое?

– Помогите, – прохрипел мужик, завидев Василия.

Иван Наумов

Сто одно

*Я хотел бы взойти на сто первый этаж,
Чтоб сказать, что там был... Сказать, что там был...
Кто знает автора, подскажите!*

Магнитное домино с собой протащил Жих. Взяли стенку от сторевшего компа, закрепили как столик, чтобы все могли разместиться.

– На что будем играть? – поинтересовался Бекхан.

– Можно взять зубочистки, – неуверенно сказал Козодоев, так и не отмывшийся от копоты. На лбу черная полоса, из опаленных бровей торчат смешные подгоревшие волоски-пружинки. – Поделим их поровну, будут как деньги.

– Давайте пока так разомнемся, – предложил Жих, зависая над игровым полем вниз головой. Огненная шевелюра – как солнечная корона, дыбом во все стороны. Понятно, что ни майором, ни Жихаревым, ни Сашкой его никто не звал – Жих, он и есть Жих. Самый молодой, легкий, стремительный. Культмассовый сектор.

– Или запасные микросхемы из комплекта вездехода, – сказал Козодоев. – Мы их поделим поровну, будут как деньги.

– Правила все помнят? – Жих начал уверенно доставать из коробочки по одной кости и класть на стол. Доминошки прилипали со звонким клацем. – Игра идет до ста одного. Кто набрал, тот проиграл.

Бекхан пытался пристегнуться карабином к скобе на обшивке, но забинтованные пальцы слушались плохо.

– Давай лучше, чтоб кто-то выигрывал, – сказал он, – а то проигравших здесь и так хватает.

Михаил Ера

Розовый туман

Они провожают героев.

Сколько раз видел по телевизору – репортеры, вспышки фотоаппаратов, рукопожатия, напутственные слова, но сейчас, в шкуре главного героя космического шоу, все выглядит совсем не так, ощущается иначе. С завистью смотрел на тех парней, что отправлялись на орбиту... Теперь миллионы людей смотрят на меня – они счастливы, они завидуют, восхищаются мной. А мне совсем не весело. «Старики» подшучивали, мол, ты, Леша, главное, в штаны не наделай, когда на стартовой площадке оглянешься. Не зря трепались – страшно, по-настоящему страшно и холодно от одной только мысли, что скоро, очень скоро земля уйдет из-под ног и надолго, возможно, навсегда покину родную планету, улечу в неизвестность – туда, где никогда не бывал человек, даже наши «старики».

Почему-то никто не замечает заплаканных глаз родных нам людей, а я смотрю только на них. Павлуша в восторге – папка летит на другую планету! Ребенок. Не понимает, не осознает, что папка может улететь навсегда. Анастасия утирает слезы, но она сильная, она гордится мной.

Останавливаемся на верхней платформе, делаем ручкой, улыбаемся – первая часть подходит к концу, газетчикам нужен эффектный финал, черт бы их всех побрал. Какая тут может быть улыбка? Растягиваю губы, изо всех сил стараюсь быть раскованным.

* * *

– Смотри, Алешка, какие звезды! – Саня зачарованно глядел на усыпанное сверкающим бисером черное небо.

Я плюхнулся рядом на надувной матрас, подложил руку под голову и даже не ответил – затянул, заворожил мерцающий простор; неведомая сила подхватила меня, понесла, закружила в водовороте грез, выплеснула в бездонную пустыню, окружила мерцающими искрами. Нет им конца и края. Нет предела бесконечности.

Вроде лежал на берегу, плескание рыбы и лягушачьи песни слышал, и в то же время будто в невесомости... Эх, если б не комары!..

– Сань! А ты бы хотел полететь туда? Ну, хотя бы вот к той, яркой звездочке? Марс, что ли?

– А то! – отозвался Сашка, но тут же озабоченно шмыгнул носом: – Только нам с тобой не светит, – добавил он как-то совсем невесело.

– Это еще почему?! – «я аж привстал от такого категоричного утверждения. – Что значит «не светит»? Это на каком таком основании?

– А твоя годовая по физике? – хмыкнул он в ответ.

– Тьфу ты! Физика – чепуха. Зато по физкультуре отлично, а это то, что надо!

– Не-а, – Сашка явно ехидничал. – Там «ботаники» в почете, а бодибилдингом девчонок удивляй.

Сам-то Саня тоже в отличниках никогда не числился, но рассуждал всегда правильно – честно и логично, а Сашкин отец и вовсе военным летчиком был. Авария какая-то – год в больнице провалялся, а ходить так и не смог. Однополчане ему немецкую инвалидную коляску где-то достали. Удобная, говорит, только с запчастями проблемы. Все ведь рано или поздно ломается – даже немецкое.

– Полечу, – стиснув зубы, выдавил я. – Все равно полечу!

Светлана Тулина

Запердолить джи

– Ты что творишь, поганец?!

Мощный рык Ирхита-абу, раскатившись под гулками сводами технической зоны, ударил Кима между лопаток. Курсантские привычки живучи – вздрогнув, Ким обернулся, пряча сигарету в ладони. Конечно же, никакого полит-эфенди не было на верхней галерее. Да и не мог он тут оказаться – выход сюда есть только через зал связи ЦУПа, а там сейчас такой нервяк, что все разумные люди стараются держаться подальше. Просто в ангаре хорошая акустика, особенно сейчас, когда ни один из шумных малопонятных агрегатов не работает. Интересно, кого на этот раз и на чем поймал грозный наставник, прозванный Ифритом-абу Аллах знает сколько выпусков назад – во всяком случае, когда сам Ким проходил обучение, прозвище это у полит-эфенди уже имелось.

– Да как ты мог написать такое – и где?! Червивая твоя душа, несчастье наставников и горе родителей! А если бы из Чужих кто увидел? Позор на всю галактику! Да ты хоть понимаешь, паскудник, что на самом деле означает твоя пачкотня?!

Ким поморщился, облокотился о перила галереи и снова включил сигарету. Затянулся. Любимый вишневым микс оказался горьким и безвкусным. Голос эфенди доносился откуда-то снизу, самого его видно не было, как и незадачливую жертву, но Ким уже понял суть преступления. И понимание подкатывало к горлу тошнотой, портя вкус любимого микса. И бесполезно щелкать переключателем, меняя настройки одобренного Минздравом электронного миникальяна. Не поможет...

«Запердолим джи!»

Этой паскудной двусмысленной надписью пестрел весь город. Баллончиками на стенах домов, маркерами на стеклах монора, плакатами на стендах, официальными растяжками поперек улиц. Фраза какого-то пачкуна, изначально нацеленная лишь оскорбить, с легкой руки Демыча стала девизом Проекта и светила теперь повсюду. А ведь действительно могло бы оказаться позором на всю галактику – если бы понял кто. Впрочем, нет – хуже. Сейчас, когда все еще настолько шатко и еле-еле нащупаны первые точки соприкосновения, подобная надпись могла бы стать полной и окончательной катастрофой. Бомбой, взорвавшей единственный путь для землян в эту самую галактику.

Космос открыт для всех, но в Свободной Федерации Миров нет места ксенофобам.

Землянам повезло дважды – неслыханно, фантастически повезло. Во-первых, среди посланников Федерации не оказалось знатоков современного земного жаргона. А во-вторых, среди встречающихся был Демыч... Так что не прав Ифрит-абу, не случилось бы ничего плохого, даже и увидь Чужие эту пачкотню. Приняли бы за еще одну социальную рекламу. А ведь Демыча сначала и брать не хотели: тот же полит-эфенди горой стоял поперек дороги – неблагонадежен, мол. Намазы сроду не творил, даже когда наверху пребывает, насмешки себе позволяет всякие, да и вообще болтает слишком много. Такой, мол, нам весь Проект загубит. Но Король Лев сказал: «Демыч будет!» Он, мол, сам для нашей Жемчужины ракушку делал, и если вдруг что не так пойдет... Полит-эфенди поворчал-поворчал, да и отступился, потому что слово Короля – закон. Ну и где бы был наш разлюбозный Проект сейчас, если бы не Демыч с его неумением держать язык за зубами?

«Напьюсь, – подумал Ким, наваливаясь грудью на перила, прижатый желудок почему-то болел меньше. – Вот ведь паскудство, к звездам летаем, а язву толком лечить так и не научились... Если все пройдет штатно, Аллах свидетель, завалюсь в какую-нибудь курильню и точно напьюсь». Он наудачу скрестил пальцы и поднял голову, с тоской разглядывая сводчатые перекрытия, недавно перекрашенные в веселенький розовый цвет.

– Так и знал, что тебя здесь найду!

Татьяна Кигим

Чужое Вожделение

I

Эла потянулся, чувствуя, как нежные струйки мелкого песка пробежали по телу, и выбрался из холма, присыпавшего его бронзовую кожу. Интерьер, повинувшись мысли хозяина, начал тут же меняться: дюны ссыпались в утробу корабля, обнажив каменистое плато для физических упражнений. Эла взялся за снаряды, разогревая гибкое, сильное тело. Перед ним вставал альый восход, до боли прекрасный – будто и не было миллионов световых лет, что разделяли Элу и планету, на которой этот восход был запечатлен. Повинувшись искусственному разуму корабля, небо прочерчивали два спутника, движущиеся по траекториям Сыновей. Грандиозная перспектива картины завершалась танцем пылевого смерча у подножья гигантского вулкана.

Эла никогда не задумывался, чего стоило его народу создать исполинский корабль, где бы каждый ни в чем не нуждался. Хочешь – экзотические пейзажи чужих миров, хочешь – завтрак в глубине пещерных лабиринтов, хочешь – вид с каменной террасы... Любые пейзажи известной вселенной были доступны Эле. В детстве он часто их менял, но теперь вырос, возмужал, вступил в период радости и вожделения, и ныне кожа желала тихих, спокойных ласк песчаных дюн.

Юноша чувствовал, что сейчас, когда на первый план выходит его красота и физическая сила, многое меняется – становится важным только то, что выделит его между другими Сыновьями и принесет благосклонность возлюбленной Матери.

Услышав вызов, он грациозно распрямился, стряхивая с кожи песок. В черных зрачках зажегся радостный свет, и блики

огней, которыми запыльхали очи, осветили поверхность искусственных скал. Тонкие струйки маленьких смерчей проводили его, полируя кожу.

Быстрой пружинящей походкой Эла преодолел коридоры и ворвался в зал, где его ждала Мать.

Мать Тиашш – ласковое, как прикосновение, имя гуляло на языке. Два юных мальчика, из самых младших Сыновей этого поколения, сидели у ног Матери и аккуратно полировали когти и роговой панцирь на ее подошвах. Блики от полыхающих глаз Матери металась по стене корабля, и Эла мог проследить за ее взглядом: Мать глядела на карту. Внезапно вся стена стала прозрачной, и Эла пошатнулся, ухватившись за плечо Тиашш, чтобы не упасть, но тут же отдернул руку, смутившись смелого жеста. От космоса их отделял каньон – имитация каньона, пугающе удачная имитация...

Присев у ног Матери, Эла позволил себе раствориться в наслаждении, чувствуя пальцы и когти Возлюбленной, ласково поцарапывающие его плечи и спину.

– Эла, – нежно сказала Мать, и глаза ее потухли, потом вновь засветились, мягко и ласково. В ответ вспыхнули глаза юноши, оправдывая прозвище – Сияющий, они заставили Тиашш улыбнуться. – Ты прекрасен, мальчик, и ты станешь первым, от кого я порожу потомство в новом мире...

Эла едва не захлебнулся от нахлынувших чувств. Он был горд, что такая влиятельная Мать, как Тиашш, выбрала его первым среди нескольких возлюбленных Сыновей, хотя те были старше...

– Это будет, когда мы приблизимся к Вожделению, да?

– Да, – ответила Мать. – Это будет совсем скоро.

Эла был так счастлив, что проморгал появление Старшей Матери, с опозданием вскочив при приближении Старухи Сишш. Она была так стара, хотя большую часть полета проводила в анабиозе, что ее частица была в каждом ребенке, родившемся в последние десятки поколений.

Старшая мать родилась на Вожделении, покинутой планете странствующего народа. Кожа на ее лице была тверже, чем рого-

Владимир Венгловский

Piratas Vulgaris (*)

(*) что в переводе Пересмешиника с древнего языка людей означает: «Единственные и неповторимые, самые знаменитые и преуспевающие космические пираты»

Идея стать пиратами пришла в наши головы совершенно случайно. Мысль родилась в тот момент, когда мы стояли перед ржавой развалюхой, а продавец называл ее цену. До начала торгов мы уже обшарили все внутри, и я был совершенно уверен, что посудина сможет летать. Правда, не очень хорошо.

– Ого! – сказал я.

– Вот это да! – произнесли в один голос братья-регулы Рико.

По правилам братьев надо называть регулианцами, но это долго и неудобно. Они регулы – и все тут. Братья не против. Тем более – кто их спрашивать-то будет?

Фераджо, как всегда, молчал. Слышны были лишь «вжик-вжик» – это робот полировал одну из своих деталей.

– Вы не понимаете! – воскликнул торговец. – Это же раритетный эксклюзивный корабль! «Столетний птеродактиль». Помните пирата Одноглазого Джона? Того, что еще взорвал три полицейских крейсера, перед тем как его корабль изрешетили из корабельных орудий. Того, чьи награбленные сокровища до сих пор не найдены. Может быть, они спрятаны именно на его корабле!

Я критическим взглядом осмотрел развалюху и хмыкнул. Судя по ее виду, спрятанные сокровища искали долго и упорно.

– Цена завышена раза в три, – сказал я.

– В четыре, – возразил Младший Рико.

– В четыре с половиной, – прикинул Старший Рико.

Регулы были близнецами, но Старший однажды попал во временную аномалию. Результат, как говорится, был налицо.

Фераджо отвлекся от полировки и смачно сплюнул смазкой на грязный песок торговой площадки. Торговец слегка порозовел и покрасился зелеными пятнами, что для головоногих с Реи служило выражением крайней степени возмущения.

– Ну, хорошо, хорошо, только ради уважаемых клиентов! Сброшу цену вдвое. Вы посмотрите, какое качество! Теперь так не строят, – торговец хлопнул хваталкой по обшивке корабля.

Что-то хрустнуло, и хваталка провалилась внутрь. Грохот от падения куска обшивки эхом прокатился внутри корабля, затихнув где-то в его глубинах.

– Ладно, втрое, – полностью позеленел реец. – Но я буду совершенно разорен.

Мы с братьями переглянулись, а Фераджо потопал обходить корабль по периметру, вновь изучая возможную покупку. Я достал кошелек и пересчитал оставшиеся кредиты. М-да, не густо. Братья синхронно вывернули карманы и начали собирать выпавшую мелочь.

«Бам, бам, бом», – доносились до нас удары робота по бортам корабля. При этом внутри что-то звенело и бухало, а ступенистая поверхность торговца нервно вздрагивала от каждого хлопка. Наконец послышалось подозрительное шипение, затем клацанье, похожее на звук оружейного затвора. Реец скосил глаза на стельбьках и осторожно, по-крабьи, начал пятиться к своей торговой палатке. Из-за «Столетнего птеродактиля» появился Фераджо, подошел к нам, молча отстегнул от уха алмазную серьгу и бросил в общую кучу денег.

Покупка была одобрена.

***

– Как хорошо, что ты догадался принять вид уважаемого Нюбеля, – сказал на обратном пути Старший. – Иначе торговец бы точно цену не сбросил.

Алексей Толкачев

Мотылек

За две с половиной тысячи лет до описываемых событий на острове Иос слепой бородачатый поэт сочинил такие строки:

*Царь Одиссей, многохитростный муж, Лазртид благородный,
Был он на выдумки мудр, плодовит на затеи изрядно,
В умных советах никто с ним не мог наряду быть поставлен
Ни из людей земнородных, судьбою гонимых,
Ни из богов олимпийских, владык беспредельного неба.
Был у него, не иначе, другой покровитель, что редко
С неба, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь,
И, открывая избраннику благословенному хитростей много,
Вновь исчезает во тьме, во пределах тумана и тлена.*

***

Кул-Дун переносил высокую температуру нормально, однако и удовольствия от нее не получал. Поэтому, если планета имела атмосферу, Кул-Дун, чтобы не гореть в ее слоях, предпочитал совершать посадку на малой скорости. При этом он выпускал крылья и трансформировал свой корпус так, чтобы по возможности не сильно отличаться внешним видом от местных транспортных средств. На планете Ноид таковыми были бронированные амфибии. Приняв форму длинной крылатой тортилы, Кул-Дун мягко опустился на все шесть лап прямо перед гигантским зеленым деревом.

Это был портал в Юк-хом-о'Риу – так на местном языке называлась эта уникальная зона. Уникальная даже по меркам Кул-

Дуна, побывавшего на многих планетах и повидавшего самые разные миры. В Юк-хом-о'Риу наравне с физическими законами действовали фокусы виртуального киберпространства. А кроме того, здесь имела реальную силу магия, и не виртуальная, а самая настоящая, природная, существовавшая в этих землях испокон веку.

В Юк-хом-о'Риу были рады далеко не всякому гостю. Прорваться же сюда силой мало кому удавалось – входные цепи содержали защитный код высочайшего уровня. Местные технари работали на стыке кибернетики и магии. У Кул-Дуна были в Юк-хом-о'Риу друзья, но были и те, кто предпочел бы никогда не пускать его сюда. Оставалось надеяться, что власть Царя Грозного не распространилась еще на всю зону.

Кул-Дун включил режим визуализации виртуальных образов и сразу увидел входной код, с которым ему предстояло сейчас пообщаться, – он отображался в виде красного огонька, бегающего туда-сюда по гирлянде из золотых звеньев. Кул-Дун приблизился. Огонек замер на месте, и прозвучал вопрос:

– Кто ты и что тебе надо?

– Я Кул-Дун. Меня здесь знают. Хочу войти.

– Кул-Дун, – ответил код. – Космический странник, переносчик идей. Войдешь, если докажешь, что ты – это ты. Готов отвечать на контрольные вопросы?

– Готов.

– Вопрос первый. Что это за песня?

Огонек сместился по гирлянде вправо, и зазвучал заунывный напев:

*– В первый раз я в сраженьи мальчишкой попал,
Содрогаюсь, о том вспоминаю.
В узком темном тоннеле противник напал.
Но со мною крысиная стая...*

– Осская баллада. Из фольклора воинов лабиринта, заводчиков охотничьих крыс.

– Правильно. Вопрос второй. Что это за текст?

Огонек кода двинулся влево.

Владимир Марышев

Тени прошлого

Иногда Тирри хотелось хотя бы раз в жизни испытать полную тишину. Разумеется, не ту, в которую легко окунуться, плотно заткнув уши. Он мечтал о настоящем, первозданном безмолвии – и отчетливо сознавал, что такого уголка ему не найти никогда. Простые обыватели с ограниченным допуском еще могли строить какие-то иллюзии. Но Посвященные намного лучше них знали, в каком мире живут.

Дом был наполнен звуками. Пусть негромкие, зачастую еле слышные, они не исчезали никогда. И почти в каждом из многочисленных секторов, отсеков, коридоров звуки эти хоть чуточку, да различались.

Тирри не мог похвастать абсолютным слухом и вряд ли сумел бы с закрытыми глазами отличить один коридор от другого. Но Фабрику биомассы, куда в последнее время навещался все чаще, узнал бы наверняка. Здесь задавало тон басовитое гудение синтезаторов пицци. Время от времени его разнообразили звонки. Один короткий означал завершение какой-то фазы многоступенчатого процесса, два – выход готовой продукции, длинная трель – окончание рабочей смены. Мог раздаться и пронзительный сигнал, сообщающий о поломке. Но такое случалось крайне редко – техники знали свое дело.

В Доме было много обширных помещений, где хватало колоссальных конструкций и могучих машин. И все-таки Фабрика, даже до знакомства с Загой, вызывала у Тирри особые чувства. Высоченные ребристые колонны синтезаторов, пузатые резервуары, втиснутые между ними кожухи вспомогательных механизмов, и все это хозяйство обвивала масса серебристых труб. Они то расширялись, то сужались, постоянно разветвлялись, перехо-

дили одна в другую, и в их запутанном клубке невозможно было отыскать ни начала, ни конца... Это впечатляло.

Начальник смены уже поджидал Тирри и, увидев его, поспешил навстречу.

– Рад вас видеть! – залебезил он. – Зага сейчас выйдет. Уже прихорашивается, красавица наша.

«Рад вас видеть...» Конечно же, этот пройдоха с бегаящими глазками кривил душой. Технари всегда недолюбливали Посвященных. В своем кругу они называли их «чистенькими» и потихоньку ворчали: за какие заслуги этим дармоедам такая честь? За что привилегии, которые только сняты в калькуляющим на них работягам? Но шушукаться за спинами «дармоедов» – одно, а уж если повстречал кого-нибудь из них – изволь выразить почтение...

Зага не заставила себя ждать. Держалась она, конечно, гораздо уверенней, чем при первой их встрече, – даже сравнивать нельзя. И все-таки немного смушалась. Как будто до сих пор не могла поверить, что на нее положил глаз не какой-нибудь ремонтник, оператор или даже технолог, а Посвященный из самого элитного – восьмого – жилого сектора!

– Привет, Тирри, – она улыбнулась и повела рукой, словно отталкивая взгляды женщин со своего участка, полные жгучей зависти. – Мы снова пойдем в какое-нибудь интересное место?

– Привет, Зага, – улыбнулся в ответ Тирри. – Конечно, пойдем. А знаешь куда? Ни за что не догадаешься!

Она раздумывала недолго.

– Уже догадалась! Ты сводишь меня в оранжерею, да? Помнишь, в прошлый раз мы не успели ее всю обойти – там оставался такой чудный уголок...

– Оставался, – подтвердил Тирри. – И мы в нем еще обязательно побываем. Но сегодня... Сегодня я покажу тебе Музей.

Он, конечно, ожидал, что его слова произведут эффект, но чтобы настолько сильный... Зага даже на время утратила дар речи.

– Ой... – выдохнула она наконец. – Ты не шутишь? Музей... да он ведь... туда же пускают только Посвященных! Мы в самом

Светлана Тулина

Слепой и его фишка

Вообще-то я был против.

Но кто я такой? Всего лишь стюард. А капитан уперся рогом – хорошая примета и все такое. А по мне – так идиотизм кристально-вакуумный. Словно пальцы за спиной скрепивать «на удачу». Или выигрыш в лотерее. Одному из миллиона случайно повезло – а все ахают. И карточки в автомат дружно пихают, идиоты.

Но капитана, упрется ежели, и киберпогрузчиком не своротить. Ему же виднее, с мостика-то! Он же у нас начальство, даже колледж закончил и все такое. Они после того случая с «Марией-Тересией» словно взбесились все, капитаны эти. Каждому теперь подавай в экипаж сверхчувственника-атависта. Это их так называть стали, политкорректно чтобы. А по мне, слепой – он и есть слепой, как ты его ни назови. Когда мы на базе, я стараюсь не заходить в их район. И вообще держаться подальше.

Нет, вы только не подумайте, что я расист! Ничего такого! Неуютно просто. Ты ведь все-все видишь, а они – нет. И не виноват ты в этом вроде, а все равно неловко. И если уж совсем честно – страшновато. И жалко вроде, и помочь хочется – ну да, а потом как с той бабкой, что меня своим костылем огрела! И была, между прочим, совершенно права, политкоррпшик из надзора мне потом все очень доходчиво растолковал. Они точно такие же люди, как и мы, и имеют полное право ковылять через дорогу самостоятельно. А жалость унижает и все такое. Надо просто делать вид, что не замечаешь.

Только почему-то все равно неловко.

Теперь вот еще пиво ему тащи...

Стучусь в закрытую дверь.

В этом ничего особенного – я всегда стучусь, из вежливости. А тут вдруг подумал, что впервые это – не только вежливость. Должен же я как-то заявить о своем присутствии, он же меня не видит. Особенно – через дверь.

Он сам выбрал эту каюту. Пустых кают полно, выбирай любую, не жалко! Эту мы называли каютой параноиков – в ней ил-люминатор из настоящего пласта, непрозрачного для большинства излучений. Некоторым нравится – тем, которые на защите собственной задницы помешаны. А я не люблю. Конечно, полная безопасность и все такое, но зато сквозь пластовый люм почти ничего не выдать. В коридоре даже просто через стены – и то лучше видно, там защита фиговая, многие жалуются. А по мне – так даже прикольно. Я люблю смотреть на звезды. Они красивые. И все разные. Особенно мне радиопульсы нравятся – у них такие роскошные длинные выплески, ритмично изогнутые, изящные такие, а если система двойная – то вообще получается настоящее перекрестное кружево. Но через мутный пласт каютного люма всего этого, конечно же, не рассмотреть. Даже мне. Даже если упрусь я лбом в этот самый люм, как в него сейчас упирается наш слепой атавист, за ради хорошей приметы капитаном на борт принятый. Ничегошеньки я не увижу сквозь этот люм.

Хотя я – не слепой...

Он оборачивается. Улыбка у него хорошая. И лицо живое. Приятное такое лицо. Если в глаза не заглядывать...

Меня передергивает.

Ну да.

А чего ты ждал?

– Ваше пиво, – говорю, неловко ставя кружки на стол и старательно глядя мимо его лица.

– Пиво! – он просиял, потер руки, – Пиво – это прекрасно! Холодненькое?

Я буквально зубами ловлю уже почти сорвавшееся с языка «А вы что – сами не видите?».

Не видит он!

В том-то и дело, что не видит...

– Холодное. – Пришуриваюсь, соразмеряя интенсивность довольно прохладного цвета с почти не выраженными тональ-

Светлана Соловьева

КОСМОС КОНЧИЛСЯ

– Папа, папочка, проснись! Мы почему-то больше никуда не летим!

Гроган с трудом разлепил глаз и вывалился из гамака.

– Что такое, Юма? Тебе приснился страшный сон?

– Да нет же! Посмотри! Невесомость! Я пошла в туалет, и тут случилась невесомость. Мы остановились, да?

Гардеробная полка больно ударила Грогана по голове.

– Хм, действительно, невесомость. Но двигатель работает.

Движок исправно урчал, но и только. Движения, а с ним и силы инерции, создающей подобие гравитации, не было и в помине. Как на стенде техосмотра.

– Забавно. – Гроган потер заспанный глаз и полетел в рубку.

В верхнем иллюминаторе рубки повисло нечто. Что-то такое, без цвета и света. Именно в это нечто верхолет и уперся.

– Забавно, – еще раз растерянно произнес Гроган и пощупал иллюминатор. Стекло как стекло, ничего нового.

Хлопнула дверь каюты.

– Дорогой! Который час? Мы уже на таможне?

– Нет, Мильза, мы еще не долетели. Можешь пока поспать.

– Мамочка, мы во что-то воткнулись, – радостно сообщила Юма.

– Гроган! Новая система навигации, автопилот, радары! На двадцать четыре лама оборудования! И ты не можешь проложить курс без аварий! – Пробираясь к рубке, Мильза метала громы и молнии, попутно сражаясь с невесомостью.

– Золотце, но здесь что-то необычное, посмотри сама.

Мильза влетела в рубку и грозно выкатила глаз на мужа.

– Ну, что скажешь, мой милый?

– Дорогая, взгляни на это, – Гроган махнул рукой в сторону верхнего иллюминатора. – Что ты там видишь?

– Пустую линию, – уверенно сказала Мильза после некоторого размышления.

– Какая «пустая линия»? Что это значит «пустая линия»?! Как, по-твоему, должна выглядеть «пустая линия»?!

– Ты что, не видишь, как она выглядит?! Она у тебя перед глазами, слепой недоумок!

Дверь рубки снова открылась.

– Мам, пап! Мы приехали? Почему невесомость? Нас на дальнюю орбиту в очередь поставили?

– Мы воткнулись, а ты все проспал, – Юма потихоньку от родителей показала кукучу старшему брату.

Эл дернул сестру за килевой плавник.

– Мам, она дразнится! А я опять виноватый, да?

– Дети, дети, успокойтесь! Мы столкнулись с чем-то необычным. Нам всем надо сосредоточиться и подумать.

– Ого-то! Что это за штуковина? – Эл прилип к верхнему иллюминатору.

– Мы не знаем, сынок.

– Вот именно, Гроган, что это за штуковина?! Ты так и не объяснил, во что ты въехал.

– Я никуда не въезжал, Мильза! Я выставил курс на автопилоте. Через четыре часа мы должны были быть на орбите Вайды. Но тут... тут... возникло нечто... вы все видите что. Оно мешает нам лететь дальше. Стоит на пути. Я пытаюсь разобраться. Пожалуйста, позвольте мне подумать! В тишине!

– Хорошо. В тишине. Дети, мы будем молчать и вести себя тихо-тихо, как шушпенчики. Пусть папа думает. И день, и два... Между прочим, мне вечером надо к массажистке, а у Эла контрольная по космографии. Но мы будем сидеть тихо-тихо. Пусть папа думает. Гроган! Ну сделай что-нибудь!

– Мильза! Я прошу тебя!

– Па! – Эл дернул отца за руку. – Посмотри в боковые иллюминаторы. Звезд нет. Ни точки, ни черточки. Только черное пустое небо.

Владимир Венгловский

Космос над нами

Пить вино с Великим Инквизитором Премом – то еще удовольствие, я вам скажу. Под его цепким взглядом даже шелтское тридцатилетней выдержки приобретает вкус ягодного уксуса. Бокал в моей руке подрагивал, отбивая едва слышную дробь по зубным пластинам. А Великий Инквизитор пил баснословно дорогое шелтское, словно дешевое вино в прибрежном кабаке, – залпом опрокидывая содержимое бокала в рот и тут же наливая следующую порцию.

Пил и не пьянел.

Это у Према называлось «выходом в люди». Читай – домой к несчастному профессору Тарду. То есть – ко мне. Угораздило же меня... Нечистый его знает, чем Инквизитора привлекла моя скромная персона. Хотя было бы гораздо хуже, пригласи он меня *туда*. Так что – сиди, Тард, пей вино и делай вид, что поддерживаешь дружескую беседу. Терпи.

У Великого Инквизитора белая гладкая кожа. Почти прозрачная. «Такую кожу скверна не возьмет, – подумал я. – Еще эти глаза его, синие... Уставился, как змея на добычу». Черные волосы Инквизитора сползали на бордовый плащ.

А если на Према посмотреть вот так – сквозь бокал, то Великий Инквизитор не кажется таким страшным. Преломляется его лицо, плывет в шелтском. Смешно даже.

– Как работа, доволен? – поинтересовался Прем.

Я вздрогнул. Вино расплескалось на одежду.

– Нормально, ваше святейшество, не жалею. Спасибо.

– Нашел что-нибудь интересное?

Я старался отвечать размеренно, тщательно подбирая слова, а то еще сболтну, чего не следует.

– Ваше святейшество, вам же известно, что все, что я нахожу... Все, что к скверне относится, я сдаю инквизиции.

– Знаю-знаю.

«Хлоп», – вылил шелтское в рот Великий Инквизитор. Потекли по тонким губам красные капли, впитались в бордовый плащ.

– Знать-то знаю, но мало ли... Вдруг скверна и в твой дом проникла?

И – зырк на меня синим глазом. Аж мороз по коже.

– Ладно, не напрягайся ты так. Давай, пей лучше. Да минет нас скверна! – Великий Инквизитор поднял ладони вверх, к Белой Луне. – И так с каждым циклом все больше и больше оскверненных на вознесение отводим. Жалко будет потерять своего ручного профессора.

Надо же, еще и ехидничает. Ползун несчастный.

– Я постараюсь не поддаться скверне, ваше святейшество, – выдавил я робкую улыбку.

– Пойду я, – Великий Инквизитор поднялся, с сожалением глядя на пустой бокал. – Бутылку тебе оставляю. Угощайся. Может, девицу какую пригласишь.

Великий Инквизитор заговорщицки подмигнул. А у меня сердце – бу-бух, чуть из груди не выскочило.

– Ну что вы, ваше святейшество...

– Ладно-ладно, – хихикнул Прем. – Дело молодое.

И исчез в коридоре. Ровной походкой пошел, зар-р-раза, будто и не пил.

«Раз, два, три, четыре», – начал считать я.

«Бум», – хлопнула входная дверь. Все – ушел. Я прислушался – тишина, никого. Бросился к шкафу, открыл дверцы.

– Играда, вылезай. Уже ушел, – я протянул руку.

Из вороха одежды появилось миловидное улыбающееся личико, обрамленное кошной всклокоченных желтых волос, затем женская рука схватилась за мою ладонь, и из шкафа выбралась Играда.

– Чего он приходил? – кивнула Игра на дверь.

– Да так... Нечистый его знает.

Вадим Соколенко

Подарок

Есть ли жизнь в Космосе?

«Странный вопрос» – сказал бы по этому поводу Ринко Лок и был бы, конечно, прав на все сто. Кому, как не ему, это доподлинно знать? Ринко – межпланетный менеджер и торговец. Он мотался по Вселенной, предлагая все, что только можно продать. Да и то, что до него продавать еще не пытались. К этому у него был особый талант. Успешный бизнес сотворил Ринко статус завидного жениха. Но милые дамы, не спешите выстраиваться в очередь! С недавних пор сердце менеджера раз и навсегда завоевала прекрасная Линси Нек.

Ринко и Линси были мирмеками, коренными обитателями планеты Ток в созвездии Гончих Швирков. Описывать, как выглядят мирмеки, – дело неблагоприятное. Это знают все. Ну, почти все. Если вы из самой захудалой космической дыры, мы напомним: плотненькое, покрытое короткой буровой шерстью тело, пушистый хвост метелкой, немного косолапые задние конечности, на которых удобно стоять, но не очень удобно бегать, чуть коротковатые передние с семью тонкими пальцами. Два больших, с густыми ресницами глаза, два уха на макушке. И самое замечательное – подвижный хоботок, под которым скрывается рот с чуть приподнятыми уголками, что создает впечатление застывшей глуповатой улыбки. Впрочем, это только впечатление. Мозг у мирмеков работает что надо, и пользоваться им они умеют. Особенно там, где можно подзаработать денег.

Чем и занимался предприимчивый Ринко. Удача изменила ему лишь один раз. И то еще, с какой стороны на эту ситуацию посмотреть. Дело было в созвездии Пятирукого Крока. Военственные обитатели двух планет затеяли небольшую по косми-

Константин Пимешков

Юбилей

Умник считал что люди, летающие среди звезд, должны отдыхать. Поэтому свой бар он оформил в темных тонах с обилием мягких деталей. Серый корабельный утеплитель покрывал стены. У столов стояли небольшие черные кресла с пухлыми подлокотниками. Низкие светильники выхватывали из полумрака только столы, оставляя людей в полумраке. Всё в баре располагало к неспешным разговорам и резко контрастировало с суетой космодрома. Сюда приходили поесть или посидеть с друзьями за кружкой пива. Отпраздновать радостное событие или погрузиться в тишине. Праздновали спокойно, без громких тостов и плясок. И так же тихо заливали водкой горе. Люди склонны жалеть себя, прятаться за стаканом и не замечать, что в мире есть много хорошего. Вот и у девушки-пилота, взбравшейся пять минут назад на табурет, неприятностей хватало. Почему пилота? Да только пилот может держать стаканчик в руке, словно джойстик. Плотно обхватив ладонью. Слегка отставив указательный палец, опасаясь нажать кнопку курсорного режима. Оглаживая большим пальцем край в поисках масштабирующего колесика.

Тележка с камерой и манипуляторами прокатилась вдоль стойки. Умник налил половину стаканчика, дождался, пока девушка выпьет, занюхает тыльной стороной ладони, и протянул малосольный огурчик на закуску.

Звякнул колокольчик двери. Докеры из ночной смены, позавтракав, отправились по домам.

Девушка с хрустом раскусила огурчик. Кивнула на бутылку. Умник налил совсем чуть-чуть и в ответ на удивленный взгляд пояснил:

– Не хочу, чтобы вы сразу свалились. Сегодня утром я тут один. Дотащить вас на второй этаж в номер некому. Да и поговорить хочется.

– О чем? – Девушка явно не настраивалась на беседу, подозревая, что бармен будет читать нотацию.

– У меня сегодня юбилей, а никто не поздравляет. Хотя к вечеру, наверное, придут. – Умник помолчал и добавил: – Или пришлют сообщения.

– Что за юбилей?

– Сто лет!

– Ничего себе! И все время здесь?

– Нет. Сюда меня занесло лет десять назад. А до этого успел поработать пилотом, управлял базами данных и даже целый год сортировал стихи в Народной библиотеке, пытаясь отыскать в той свалке бриллианты.

– Нашли?

– Нет. Но отсутствие шедевров изящной словесности пробудило во мне тягу к общению с людьми. И я перебрался сюда.

Умник поставил на стойку тарелочку.

– Угощайтесь! Это креветки с Вьюги. В наших краях редкость.

Девушка попыталась было возразить, но Умник не дал ей сказать ни слова.

– Если вы вовремя и правильно будете закусывать, то не свалитесь со стула хотя бы полчаса и поговорите со стариком о его нелегкой судьбе.

На лице девушки мелькнула грустная улыбка.

– А вы настойчивы. Что ж, последую вашему совету. Только давайте познакомимся. А то как-то неприятно разговаривать и не знать с кем. – Девушка расправила воротничок комбинезона, провела растопыренными пальцами по коротким волосам и представилась: – Я Лиза. И, если можно, на ты.

– Умник.

– Странное имя.

– Сейчас, наверное, да. Меня так называли в стародавние времена, когда искусственный интеллект был редкостью. Хороший, стабильный искин стоил как полпланеты. Ни одной частной фир-

Евгений Лобачев

ЛОВИМ ПОЭТОВ

Перед самым нападением почти все дамы на модном пляже Нарра-Танарисса собрались под легким навесом местного ресторанчика. Их внимание приковывал хрупкий молодой человек с бледной кожей, красивыми, очень длинными волосами и усиками «шнурочком». Молодого человека звали Василий Хвостиков, и он был поэтом.

Василий читал стихи. Читал со знанием дела, куда лучше прочих рифмоплетов, обычно декламирующих свои вирши на одной ноте, с интонацией уставшего от вечности привидения. Нет! Вася читал вдохновенно, с огнем, разжигаемым не столько жгучим пламенем души, сколько нестерпимым бурчанием в желудке.

Вася был голоден. Этот печальный факт придавал его голосу особую силу и заставлял звучать с неподражаемым лирическим дребезжанием. Взгляд молодого человека впился в рыжеволосую фею, примостившуюся прямо у его ног на золотистом песочке. Желудок поэта безошибочно подсказывал, что сия прелестница – верный шанс провести несколько ближайших недель в сытости. При этом Васина душа, не подозревавшая о происках желудка, лишь заливалась соловьем при виде красивой девушки и томилась в предвкушении более близкого знакомства.

Кавалеры, считавшие поэзию делом никчемным, побросали своих дам на произвол патлатого балабола и устроили неподалеку веселую возню, отдаленно напоминавшую древнюю игру волейбол.

Все складывалось как нельзя лучше. Стихи лились бурным потоком, публика млела, и лишь одно беспокоило поэта: поведение коротко стриженной темноволосой особы, угнездившейся в последнем ряду. Девушка вела себя как бойкий ребенок, угодив-

ший на скучное взрослое мероприятие, с которого никак нельзя убежать. Замечая, как она вертится, надувает губки и закатывает глаза, Вася внутренне напрягался, отвлекался от рыжей красавицы, и процесс обольщения приходилось начинать сначала.

В ту минуту, когда все завертелось, поэт декламировал одну из самых душещипательных своих поэм, начинавшуюся словами: «В душе, томимой страстью жгучей...»

На слове «томимой» небо над пляжем внезапно потемнело, а «страстью жгучей» потонуло в оглушительном реве двигателей стремительно снижающегося звездолета.

Огромный титановый шар рухнул на пляж в ста метрах от ресторана. В нижней части открылись десятки проходов, и на золотой песок хлынула толпа грязных нечесаных дикарей, одетых в совершенно невообразимые костюмы, сделанные главным образом из кусков пластиковой упаковки.

– Ростуны! – взвился истошный вопль, и в ту же секунду пляж превратился в живую картину «Пожар в буйном отделении».

Ростуны хватили женщин и волокли на корабль. Прямо под носом остолбеневшего от ужаса поэта бугай в набедренной повязке вцепился в волосы рыжекудрой чаровницы и поволок ее за собой. Пустым взглядом Вася уставился на две глубокие борозды в песке – все, что осталось от феи.

Среди всеобщего хаоса выделялось лишь несколько островков организованного сопротивления. Пять или шесть мужчин, образовав круг, пытались вывести из толпы дикарей двух женщин, да давешняя непоседливая барышня хладнокровно укладывала возле навеса штабеля из неподвижных врагов.

Девушка сражалась с грацией пантеры, окруженной стадом кабанов. Вася, отбросив со лба длинные волосы, заворуженно следил за тем, как она голыми руками уделивала очередного мордovorота, а в это время в непосредственной близости от него происходил следующий разговор:

– Гляди, как тоща-то. Кожа да кости. Вождь таких не любит. Вождь любит, чтоб в теле...

– Ерунда, откормит. Зато гляди, какие усики. Вождь непременно просил с усиками найти. Страсть его такие бабы заводят.

Андрей Силенгинский

Первая

Возьмите иголку. Самую обыкновенную, швейную. И воткните ее в стол. Или в подоконник, или куда вам угодно. Отойдите на несколько шагов и попытайтесь попасть точно в ушко, бросая другую такую же иголку.

Я не стану спрашивать, как вы оцениваете свои шансы на успех. Я догадываюсь. Могу также предположить, что вы думаете обо мне, предложившем вам столь нелепое и бесперспективное занятие.

Однако не спешите крутить пальцем у виска. Как вы отреагируете, если я скажу, что чем-то подобным долгие годы занимается большая группа очень неглупых людей? Вероятно, сочтете, что я собираюсь ввести вас в заблуждение или, в крайнем случае, здорово преувеличиваю.

Но это не так, совсем не так! Возможно, вы слышали о попытках ученых поймать радиосигнал какой-нибудь далекой цивилизации. Но, вероятней всего, вам не приходило в голову, что шансы на успех в этом деле настолько ничтожны. Между тем...

Глядя на небо, усыпанное мириадами звезд, мы редко отдаем себе отчет, как невероятно далеки они друг от друга. Два маковых зернышка, удаленные друг от друга на несколько десятков километров, дадут приблизительное представление об этих масштабах. А теперь представьте, что очень узкий радиолуч посылается с одного такого зернышка в произвольном направлении. Велика ли вероятность, что этот луч угодит не просто в другое зернышко, а именно в наше?

Сравнение с попаданием в угольное ушко кажется уже не таким надуманным, не так ли? А примите во внимание фактор времени. Ведь для того, чтобы мы сегодня поймали сигнал, по-

сланый с планеты, находящейся в тысяче световых лет от Земли, он должен быть послан тысячу лет назад. Не раньше и не позже.

А длина волны, на которой ведется передача? Нам она неизвестна!

Нет, пожалуй, наш опыт надо немного усложнить. Иголку придется кидать с завязанными глазами, не имея понятия, где именно находится мишень.

Но несмотря ни на что... Попытки продолжаются и продолжают. Люди строят новые и новые радиотелескопы. Люди направляют их антенны в самые «густозаселенные» районы звездного неба. Люди с надеждой смотрят на атом водорода, простейший из всех атомов, полагая, что неведомые нам разумные существа будут использовать именно его длину волны. Люди надеются на чудо.

И однажды оно произошло. Пущенная наугад игла, пролетев несколько метров, вошла точно в ушко своей коллеги. Сонное течение жизни одной из обсерваторий сменило необыкновенное оживление.

* * *

– Как продвигаются дела с дешифровкой?

Виктор Михайлович Камнев затушил окурок в массивной хрустальной пепельнице с отколотым уголком и поднял глаза на собеседника. Его уже не раздражали ни вопросы этого человека в неизменном сером костюме, зачастую демонстрирующие потрясающее невежество, ни сам факт его присутствия в институте. Наверное, это действительно необходимо. Но «дешифровка», нормальное, в общем-то, слово, неприятно резанула по ушам. Шпионские страсти, елки-палки...

– Приемлемо, – ответил он спокойным, дружелюбным тоном. – Можно даже сказать, неплохо.

– А если чуть подробней? – Голос человека, которого сотрудники НИИ саркастически называли «научным консультантом», был также приветлив.

Купить эту книгу в бумажном или электронном виде можно в интернет-магазине издательства по адресу

<http://shop.fantaversum.ru/>

Задать вопрос о приобретении можно по электронной почте

sales@fantaversum.ru